

Советская критика и Чехов //
Новое русское слово (Нью-
Йорк). 1929. 10 ноября. № 6132.
С. 10.

СОВЕТСКАЯ КРИТИКА И ЧЕХОВ

В седьмой книжке журнала «Новый Мир» напечатана большая статья А. Дермана «Одна из чеховских магистралей» (К 25-летию со дня смерти).

Проследившая с большой тщательностью этапы литературного развития Чехова, Дерман приходит к заключению, что вся литературная дорога писателя была дорогой преодоления мещанства. «Выжимания из себя по каплям раба, борьба с внутренним мещанством, являются в жизни Чехова процессом длительным, сложным и трудным. В соответствии с этим и выработка стиля, и преодоление старых форм и приемов представляют в творчестве Чехова процесс постепенный, медленно развивающийся и в сущности продолжавшийся всю жизнь», — пишет Дерман. Он приводит цитаты из писем Чехова к Суворову и другим, частично подтверждающие основную мысль статьи.

Между 1876 годом и концом 80-х годов длился период особо напряженной борьбы Чехова «со следами мещанства, со следами рабского духа, привитого ему воспитанием в узком кругу мещанских интересов и восных взглядов семьи в глухой провинции». В январе 1889 года Чехов изложил эту борьбу в письме к Суворову: «Нужна возмужалость, это раз; что-вторых, нужно чувство личной свободы, а это чувство стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было: его заменили с успехом мое легкомыслие, небрежность и неуважение к делу. Что писатели-дворяне брали у природы даром, то писатели-разночинцы покупают ценою молодости. Написавшего-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лапочник, прачей, гимназист и студент, воспитанный на чиновничьи, цезаризм поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, хлещенный по урокам без казос, драгннйсьм, мучивший животных, любивший обелать у богатых родственников, лицемеривший и Богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества. —напишите, как этот молодой человек выдвигавше из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жнзнь течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

Этот общезвестный отрывок Чеховского письма послужил Дерману фунда-

ментом для всех его дальнейших замечаний о Чехове и мещанстве. Постепенно борьба с внутренним рабством делается для Чехова, как бы культом. В его записной книжке читаем: «Какое неодолимое уважение людей!» Угодничество, чиновничество, грубость, зависть, лицемерие, то, что перечислял Чехов в списке густов своего прошлого, становится объектом его ненависти и презрения.

Во взглядах Чехова, в системе воззрений борьба с внутренним мещанством оставила чрезвычайно глубокий след. В известном письме к Плещинскому он писал: «Я не либерал, не консерватор, не постепеншвец, не монах, не индеферентист. Я ненавижу дом и насилие во всех их видах и мне одинаково противны как секретари консисторий, так и Нотинге и Градовские. Фарисейство, тушуише и прощывое царят не в одних только купеческих домах и кулуарах, я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи. Моя святая святых—это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода от сил и лжи, в чем бы последние две не выражались».

Тема рабства, утверждает Дерман, разрабатывается Чеховым в бесчисленных вариациях, но при всем их разнообразии отчетливо намечаются три категории: мотив человеческого достоинства, его самоунижение и унижение разного рода авторитетов, его отстаивание и моральные опустошения, произведенные уступками в этой борьбе, красота человеческого достоинства и мерзость обезличения; затем мотив косности, убивающей жизни, и, наконец, мотив пошлости, унижающей жизнь.